

Е. А. Ермолин

**«Дальневосточный вектор» Просвещения и актуальные проблемы
российско-китайского культурного диалога**

Реализация принципов мультиплексного мира в контексте глобальных коммуникаций имеет одним из важнейших направлений новое осмысление российско-китайских культурных связей. В сентябре 2015 г. я принял участие в VIII конференции по китайско-российскому региональному сотрудничеству и обмену в Харбине, выступив на пленарном заседании и отметив, что «дальневосточный», китайский вектор Просвещения для России пока не осознан как важная задача и перспектива. Тематика Великого Шелкового пути и его образ стали лейтмотивом обсуждения. В XXI в. у него есть и гуманитарные аспекты. Великий Шелковый путь имеет шанс стать сигнальной артерией Евразии, хордой перманентных межкультурных коммуникаций, инструментом культурного трансфера. Культурные обмены, многовекторное Просвещение – стимул доверия, основанного на достоинстве представителей великих культур. В статье определяются некоторые конкретные проблемы, связанные с решением данной задачи.

Ключевые слова: культурный аспект глобализации, многовекторное Просвещение, мультиплексный мир, российско-китайские культурные обмены, российско-китайский культурный диалог в литературе.

E. A. Ermolin

**«A Far East Vector» of the Enlightenment and Current Problems
of the Russian-Chinese Cultural Dialogue**

Realization of the principles of the multiplex world in the context of global communications has one of its major directions new understanding of the Russian-Chinese cultural ties. In September, 2015 I took part in the VIII conference on the Chinese-Russian regional cooperation and exchange in Harbin, having made a speech at the plenary session and having noted that the «Far East», Chinese vector of Enlightenment for Russia isn't realized as an important task and prospect yet. The subject of the Great Silk Way and its image became a discussion keynote. In the 21st century it has its humanitarian aspects. The Great Silk Way has chance to become an sentinel artery of Eurasia, a chord of permanent cross-cultural communications, the tool of a cultural transfer. Cultural exchanges, multivector Enlightenment are an incentive of the trust based on the dignity of great cultures representatives. In the article some specific problems are determined concerning the solution of this task.

Keywords: cultural aspect of globalization, multivector Enlightenment, a multiplex world, Russian-Chinese cultural exchanges, the Russian-Chinese cultural dialogue in literature.

В сентябре 2015 г. по приглашению Китайского ученого общества по культуре и искусству, Хэйлунцзянской ассоциации дружбы с зарубежными соотечественниками и Сянганской редакции «Дагунбао» в провинции Хэйлунцзян я принял участие в VIII конференции по китайско-российскому региональному сотрудничеству и обмену в Харбине. В приглашении значилось: «При усложнившейся в настоящее время международной ситуации отношения всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Россией становятся более тесными со временем и имеют более важное стратегическое значение». Темой конференции было совместное обсуждение перспектив регионального экономического развития в Северо-Восточной Азии и дел по сотрудничеству и обмену в китайско-российских гуманитарных международных отношениях. Дискуссия на конференции протекала в рамках двух векто-

ров: проблем экономического взаимодействия и культурных контактов. Гуманитарных аспектов проблемы коснулся и я в моем выступлении на пленарном заседании конференции.

**Великий Шелковый путь
как элемент мультиплексного мира**

Тематика Шелкового пути и его образ – лейтмотив современности на грандиозных пространствах Евразии. Как известно, анонсированный в 2013 г. проект «Один пояс, один путь» стал одной из главных долгосрочных экономических инициатив председателя КНР Си Цзиньпина. Она предусматривает создание двух транспортных коридоров: «Экономического пояса Шелкового пути» (развитие торговли на сухопутных территориях, связывающих Китай с Европой) и «Морского Шелкового пути XXI в.». Это тот прикладной контекст, в рамках которого Великий Шелковый путь

в XXI в. имеет шанс стать сигнальной артерией Евразии, хордой перманентных межкультурных коммуникаций, инструментом культурного трансфера.

В наше время довольно часто говорят о многовекторной внешней политике государств. Современный исследователь, например, характерным образом пишет: «Основываясь на отдельных замечаниях политиков, экспертов и исследователей по теме, <...> можно сделать вывод о том, что многовекторная внешняя политика – это независимая самостоятельная внешняя политика, отличительной чертой которой являются сбалансированные и равномерные отношения одновременно с разными важными центрами сил и основными мировыми и региональными игроками. Также можно говорить, что это означает проведение тонкого и сбалансированного геополитического курса...» [2].

Важно, однако, не забывать и о многовекторности актуальной культуры. Исторически российское Просвещение было обращено прежде всего на Запад. С Запада Россия-Русь получила основы религии, культуры, художественные формы, идеи и ценности. Между тем современный глобальный мир предполагает и реализует многовекторную недетерминированную коммуникацию.

Симптоматично появление понятия «multiplex world» («мультиплексный мир»), который определяется посредством культурно-художественных параллелей и контекст которого уместно привлечь по этому поводу. Сама идея мультиплексного мира принадлежит журналисту The Huffington Post, профессору международных отношений в Американском университете в Вашингтоне Амитава Ачарье. Такие понятия, как *многополярный, полицентричный, неполярный, неополярный, постамериканский мир или Джи-зеро мир (G-zero/G-0)*, уже не могут, полагает он, всецело описать состояние нынешнего мира. А. Ачарья сравнивал складывающийся миропорядок с мультиплексным кинотеатром: много кинозалов в одном комплексе, в которых идут самые разные фильмы – от голливудских до китайских. У аудитории, таким образом, появляется большой выбор. На телевидении мультиплекс означает объединение в цифровой пакет телевизионных каналов при цифровом телевидении, мультиплексируемых перед передачей по транспортному каналу и разделяемых на конечной приемной установке – абонентском ресивере или телевизоре. В мультиплексном мире, замечают А. Ачарья и его соавторы, «мы будем иметь несколько продюсеров и актеров (госу-

дарств, регионов, транснациональных групп), которые ставят собственные шоу одновременно» [3].

Один из факторов формирования этого мультиплексного мира А. Ачарья и его соавторы видят в пробуждении Азии, в особенности в развитии отношений Китая с его соседями. Это мнение из-за океана лишним раз подчеркивает актуальность и насущность затронутой здесь темы.

В этом контексте актуальной задачей становится осмысление перспектив российско-китайского диалога в сфере культуры.

Проблемы современного российско-китайского культурного диалога (взгляд из России)

«Дальневосточный», китайский вектор Просвещения для России пока еще не осознан как важная, полезная и во всех отношениях ценная задача и перспектива. Вплоть до самого последнего времени российско-китайский диалог происходил в политическом и экономическом пространстве. Собственно культурные коммуникации были гораздо более избирательными и явно бессистемными. Замечательная русская синологическая научная школа не обеспечивала выхода знаний китайской культуры в широкий социальный контекст.

Китайская культура не изучается ни в школе, ни в вузах (исключая очень локальные специализированные направления подготовки). Вследствие этого обычный, средний человек в современной России вопиюще безграмотен по части понимания китайского культурного универсума.

Характерно, что китайская тема – редкий гость и в современном российском искусстве, а если и появляется, то в недиалогическом, катастрофическом контексте, как, например, в «Письмовнике» Михаила Шишкина.

В литературе нашего века как интересный пример творческого диалога с китайской культурной традицией я могу указать лишь роман Виктора Пелевина «Священная книга оборотня». Автор производит своеобразный культурный синтез. В этой книге фольклорные легенды-былички о лисах-оборотнях, китайские новеллы в стиле сяшо, проза Пу Сунлина («Лисьи чары») стали основой фантастического элемента, который соединился с неопределенного свойства буддийскими медитациями и острой социальной сатирой, укорененной в российской общественной ситуации начала XXI в. [4].

Образ героини прозы Пелевина, лисы-оборотня, «феи-лисы» хусянье, полуженщины-полулисы, апеллирует к китайским сюжетам. Ав-

тор умело использует тот контекст, о котором крупнейший российский синолог В. М. Алексеев писал следующим образом. У китайцев лиса «окачивается наделенною редким свойством долготлетия, достигающего тысячи лет, и, значит, вообще сверхчеловеческими, даже прямо божескими особенностями. <...> “Небесная лисица, – говорит <...> литературное предание, – имеет девять хвостов и золотистую шерсть; она может проникать в тайны мироздания, покоящиеся на чередовании мужского и женского начал”. <...> В этой-то своей роли божества, наделенного к тому же способностью принимать всевозможные формы, начиная от лисы-зверя и кончая лисой-женщиной и лисом-мужиной, во всяком их дальнейшем разнообразии, смотря по тому, на кого и во имя чего требуется действовать, вот в этом мире превращений лиса и кружит человеческую голову всевозможными химерами, создающими самое необыкновенное течение событий там, где обычная человеческая жизнь проста, убога, скучна».

Лиса окутывает человека «злым наваждением, не давая ему жить спокойно в своем же доме и веля поступаться самыми насущными вопросами совести. Она обольщает бедного человека своею нечеловеческой красотой и, воспользовавшись любовью, пьет соки его жизни, а затем бросает в жертву смерти и идет охотиться за другим. Лиса превращает его в бездушного исполнителя своих приказаний, велит ему действовать, как во сне, теряя ощущение подлинной жизни. <...> Но, вмешиваясь таким образом в жизнь человека, лиса не всегда действует зло. Верно, что она морочит глупых людей, плумится над алчными и грубыми, охотящимися за счастьем, которое им на роду не писано. Верно, что она жестоко наказывает за распутство, а главное, за вероломство и подлость по отношению главным образом к ней же, – но разве может все это быть сопоставлено с теми нечеловеческими радостями, которые создает появление в серой и убогой жизни человека обольстительной красавицы, не требующей ничего такого, что осложняет жизнь, и отдающей человеку прямо и решительно, погружая его сразу же в подлинное счастье, в то незаслуженное и огромное, что в жизни творит жизнь и за которое человек идет на все, даже на свою явную погибель. Лиса приходит к человеку сама, влюбляет его в себя, любит его, становится восхитительной любовницей и верной подругой, добрым гением, охраняющим своего друга от злых людей. <...> С легким сердцем устремляется он к своей гибели. Очертя голову и повинувшись зову очарованной ду-

ши <...> Однако не претендуй, жалкий человек, на счастье, которого ты не заслуживаешь! Лисий смех, леденящий душу, раздается в ответ на твои просьбы, и глупейший мираж будет дан тебе в удел, вместо грубого счастья, которого ты цинично себе просишь» [1].

Собственно, именно фатальные начала «лисьего сюжета» совпали с кармическими настроениями автора, скептически настроенного по отношению к современности. И, очевидно, это далеко не единственный смысловой контекст, который может быть актуализирован в результате культурного диалога.

Курс культурологии, который пришел в начале 1990-х гг. в вузовские программы, мог преподаваться как изучение духовных основ цивилизаций, в том числе китайской. Именно так я делал с начала 1990-х гг. в тех вузах, где мне такой курс довелось читать, в частности в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского. Разговор шел о базисных основаниях религии и философии в Китае, о китайском искусстве, образе жизни, ментальности, о тех же самых лисьих чарах в том числе.

Однако в абсолютном большинстве случаев культурология в учебной программе вуза понималась как теория культуры, обзор понятий и концепций, в рамках которого культурно-цивилизационный подход был максимально сокращен. К тому же курс культурологии в XXI в. нередко был изъят из учебных вузовских планов.

Не справляются с задачей многовекторного просвещения и масс-медиа, прежде всего телевидение. Да они и не ставят такую задачу. Можно только мечтать о подобного рода образовательных программах в прайм-тайм на телевидении.

В результате отдельные явления современной и исторической китайской культуры, приходя в Россию, часто выглядят как эксцесс, существующий вне связи с тысячелетней традицией китайской культуры. Их понимание редуцировано. Люди, не получившие базовой подготовки, плохо знают китайскую культуру, лишены понимания ее глубинной цельности, ее богатства, ее потенциала актуализации. Речь должна идти о систематизированном освоении основ дальневосточной китайской цивилизации, создании потенциала для взаимопонимания и продуктивного диалога.

Понятие «культурный человек» в современном мире, конечно, уже не до такой степени нормативное, как прежде. Но если и прежде это понятие в России не предполагало обязательного знания основ китайской культуры, то ныне, в ситуации сво-

бодного культурного выбора, такие знания о Китае и вовсе могут быть исключены из сферы опыта. Однако в равной мере они могут быть в эту сферу включены. Традиционная норма не помеха. Человек сам распоряжается своими интересами и ценностями. Важно сориентировать его в пространстве мировой культуры и, в частности, раскрыть сокровища китайской культуры.

Культурные обмены, многовекторное Просвещение – стимул для создания атмосферы взаимного доверия, основанного на достоинстве представителей великих культур.

Библиографический список

1. Алексеев, В. М. Предисловие переводчика [Электронный ресурс] / В. М. Алексеев // Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. Пу Сунлин. – URL: <http://lisologa.ru/pu-cunlin#id748284>

2. Деловарова, Л. Ф. Некоторые теоретические аспекты многовекторности [Электронный ресурс] / Л. Ф. Деловарова // Вестник КазНУ. – 2009. – URL: <http://articlekz.com/article/7012>

3. Henry, Ken, Shuli, Hu, Feigenbaum, Evan A., Acharya, Amitav, Multiplex world: steps towards a new global order / Ken Henry, Hu Shuli, Evan A. Feigenbaum,

Amitav Acharya // Eastasiaforum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/08/14/multiplex-world-steps-towards-a-new-global-order/>

4. Пелевин, В. О. Священная книга оборотня: Роман [Текст] / В. О. Пелевин. – М. : Эксмо, 2004. – 384 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alekseev, V. M. Predislovie perevodchika [Jelektronnyj resurs] / V. M. Alekseev // Rasskazy Ljao Chzhaja o neobyčajnom. Pu Sunlin. – URL: <http://lisologa.ru/pu-cunlin#id748284>

2. Delovarova, L. F. Nekotorye teoreticheskie aspekty mnogovektornosti [Jelektronnyj resurs] / L. F. Delovarova // Vestnik KazNU. – 2009. – URL: <http://articlekz.com/article/7012>

3. Henry, Ken, Shuli, Hu, Feigenbaum, Evan A., Acharya, Amitav, Multiplex world: steps towards a new global order / Ken Henry, Hu Shuli, Evan A. Feigenbaum, Amitav Acharya // Eastasiaforum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/08/14/multiplex-world-steps-towards-a-new-global-order/>

4. Pelevin, V. O. Svjashennaja kniga oborotnja: Roman [Tekst] / V. O. Pelevin. – М. : Jeksmo, 2004. – 384 с.